

Ян Сюй всё-таки крутился среди шестерок школьного громилы, но тем, кого он согласился бы добровольно сопровождать и носить учебники, в итоге оказался только Цзин Хао, из-за чего Чэн Бовэнь сделал вывод, что нравы катятся в пропасть.

Когда Ян Сюй с праведным возмущением отказался помогать ему донести книги, Чэн Бовэнь тяжело вздохнул:

— Эх, зря я столько лет дорожил нашей братской дружбой, если она уступает каким-то задачкам по физике!

— У самого рук нет что ли? — Ян Сюй пропустил его слова мимо ушей. — Слышал про самостоятельность? Понимаешь концепцию?

Чэн Бовэнь холодно бросил:

— Про самостоятельность я, пожалуй, не слышал, зато знаю, как кое-кого можно запросто купить.

Ян Сюй не стал обращать внимания на его насмешки:

— Короче говоря, я теперь вспылал любовью к физике, вспылал любовью к моему брату Цзяну. Не то что вы, неучи.

— Чего ты сказал? — Цзин Хао, который всё это время залипал в телефон, тут же отложил его, с мрачным лицом направился к ним и потребовал: — Это в каком смысле — вспылал л-ю-б-о-в-ью к твоему брату Цзяну?

Ян Сюй сейчас вел себя как преданнейший фанат Цзян Линя и совершенно не осознавал, где сморозил глупость:

— Ну послушай, мой брат Цзян мало того что красавчик, так еще и учится прекрасно, сложные физические задачи щелкает как орехи, да еще и мягкий, терпеливый, обид не помнит — кто ж такого не полюбит-то? Эх, жалко только, Хао-гэ, что он тебе не нравится, а то через статус невестки мне бы вопросы задавать стало куда проще!

Чэн Бовэнь, наблюдая, как лицо Цзин Хао постепенно искажается от злости, незаметно дернул Ян Сюя за рукав, призывая немедленно замолкнуть. Но тот принадлежал к чисти людей, которые мастера выдать нечто оглушительное — следующее изречение прозвучало подобно грому среди ясного неба, поразив Чэн Бовэня до глубины души:

— Я-то раньше думал, что я натурал, но если речь заходит о брате Цзяне, то в принципе можно и попробовать.

Цзин Хао усмехнулся:

— С чего бы ему на тебя заглядываться?

Ян Сюй только хотел сказать, что он просто шутит и посмотрите-ка, как он перепугал старого Чэна, что к брату Цзяну у него исключительно благоговейное трепетание перед отличником, а сам-то он по-прежнему предпочитает девушек с длинными ногами и тонкой талией, как Цзин Хао его оборвал. И на этом дело не закончилось: не успел Ян Сюй и слова вставить в свое оправдание, как услышал:

— Ты возомнил, что в чем-то лучше меня?

Ян Сюй: «.....»

Чэн Бовэнь: «.....»

Хотя они частенько шутили подобным образом в повседневной болтовне, обычно всё сводилось к дуракавалянию, и никто не принимал это всерьез. Но на этот раз тон был явно куда более резким, отчего Ян Сюй на мгновение даже растерялся.

— Старый Чэн, а он ведь запал на брата Цзяна, да? — пробормотал Ян Сюй. — Только почему мне кажется, что он хорохорится?

Чэн Бовэнь предпочел сделать вид, что ничего не заметил:

— Угу.

Вернувшись на свое место, Цзин Хао с размаху пнул собственную парту — казалось, только так он мог выплеснуть накопившееся раздражение.

Он жаждал в чем-то убедиться, поэтому, как только закончилась вечерняя самоподготовка, прихватил учебник и направился прямо к Цзян Линю. Ван Цзытин, за столько дней уже привыкшая к подобным вопросам, молча подвинулась, освобождая место, и жестом предложила ему сесть.

Цзян Линь больше не желал иметь с ним никаких дел и, уткнувшись носом в парту, продолжил собирать вещи.

Тот не спешил. Парта Цзян Линя стояла у самой стены, во внутреннем ряду, так что, если бы ему понадобилось выйти, пришлось бы протискиваться мимо него — рано или поздно им все равно пришлось бы заговорить.

Они сидели в тишине до тех пор, пока класс совсем не опустел и на часах не пробило девять двадцать. Наконец Цзян Линь подал голос:

— Не мог бы ты подвинуться? Я хочу выйти.

— Наконец-то удосужился открыть рот? — Цзин Хао швырнул задачник перед ним. — Объясни-

ка мне задачу.

Цзян Линь не собирался ввязываться в долгие разбирательства:

— Ученый, доказавший волновую природу света — Гюйгенс.

Только тут Цзин Хао сообразил, что Цзян Линь просто раскусил его маневр, и вскипел от злости:

— Кто тебя об этом спрашивает!

Он придвинул сборник задач ближе и ткнул пальцем:

— Вот эту.

Цзян Линь бросил один взгляд и холодно произнес:

— Уже поздно, мы не успеем разобрать, к тому же она слишком сложная, ты все равно не поймешь.

Цзин Хао не сдавался:

— Можешь объяснять несколько раз, в конце концов я пойму.

— Я же сказал: времени нет.

Цзин Хао больше не мог сдерживать бушующий внутри гнев:

— С Ян Сюем у тебя время находится, а для меня нет?!

— Ничего подобного я не имел в виду. — Тон Цзян Линя был совершенно бесстрастным, отчего Цзин Хао ощутил беспомощность, словно ударил кулаком по вате.

— Сегодня вечером я распишу ход решения и завтра положу тебе на парту.

— Ты...

— Подвинься, пожалуйста, мне нужно идти.

Неужели Цзян Линь теперь и правда настолько его терпеть не может?

Цзин Хао растерялся и помимо собственной воли вцепился в рукав Цзян Линя:

— Я провожу тебя.

— Не нужно, — Цзян Линь высвободил руку. — Я пойду с Цзяцзя.

Гу Цзяцзя, опять этот Гу Цзяцзя... Все эти запутанные чувства последних дней смешались в одну тягостную волну. Цзин Хао оцепенело смотрел вслед удаляющемуся Цзян Линю, чувствуя глухую пустоту в груди: с каких это пор он сам скатился до того, чтобы вот так провожать его взглядом со спины? На следующий день, когда Цзин Хао пришёл в школу, на его парте действительно лежал лист формата А4. На нём аккуратно, шаг за шагом, были расписаны все этапы решения задачи, а некоторые ключевые моменты даже выделены красной ручкой — это было до боли похоже на те конспекты, что Цзян Линь когда-то давал ему самому.

Всю первую половину дня Цзин Хао больше не подходил к нему: он молча трижды перечитал решение, после чего бережно вложил исписанный листок в учебник.

На втором уроке он не пошёл на разминку. Из-за отсутствия одного человека никто, кроме близких друзей вроде Яна Сюя, ничего и не заметил. В это самое время Цзин Хао находился в учительской и разыгрывал карту доверия перед Учителем Гуаном.

— С чего это ты вдруг надумал меняться местами? — Учитель Гуан сделал небольшой глоток из чашки с чаем и слегка недоумённо посмотрел на него. Обычно этот парень не особо жаловал учёбу, и они сделали всё возможное, чтобы пересадить его на самую последнюю парту — исключительно ради того, чтобы он мог спокойно играть и никому при этом не мешал. Но теперь он внезапно заявляет, что хочет сменить соседа по парте.

Цзин Хао изобразил предельно искреннее выражение лица:

— Я хочу взяться за ум, учитель. Сосед по парте с хорошей успеваемостью сможет меня подтянуть.

Как-никак, Учитель Гуан провёл с этим учеником два года, и его радовало такое преобразование:

— Рад, что ты наконец поумнел. Ладно, вернёшься в класс — скажи Чжан И, поменяйтесь с ним местами. У Ци Сяосюань отличные оценки по всем предметам, она сможет тебе помочь.

Однако Цзин Хао неожиданно и наотрез отказался:

— Я не хочу меняться с Чжан И.

Учитель Гуан так разозлился, что с грохотом опустил чашку на стол:

— Не хочешь? А? Ты думаешь, это на рынке капусту выбирают, можно подумать, у тебя есть выбор!

— Нет, учитель, просто мне кажется, что объяснения Цзян Линя мне понять намного проще. Так что... можно я поменяюсь местами с Ван Цзытин?

На мгновение взгляд Учителя Гуана стал поистине непередаваемым. Окинув Цзин Хао долгим взглядом, он медленно произнёс:

— Ты уверен... что хочешь сидеть с Цзян Линем ради учёбы?

Учитель Гуан, конечно же, был в курсе их непростых отношений с Цзян Линем. Хотя он и не слишком одобрял эту затею, но в конце концов не выдержал уговоров Цзин Хао и дал добро на пересадку, однако строго-настроя приказал ни в коем случае не отвлекать Цзян Линя, на что получил от Цзин Хао истовое заверение с ударами в грудь.

Много ли усилий нужно парню, чтобы перетащить свою парту? Всего через несколько минут он уже закончил переселение и чинно-благородно уселся рядом со столом Цзян Линя. Стол Цзян Линя был очень чистым, пожалуй, даже аккуратнее, чем у какой-нибудь девчки вроде Ван Цзытин. Учебники лежали ровной стопкой в выдвижном ящике, а на столешнице осталась недоделанная и еще не успевшая закрыться тетрадь. Рядом лежала перьевая ручка с облупившейся краской. Цзин Хао, опасаясь повредить хрупкое перо, поднял ее, чтобы надеть колпачок.

Но в тот самый момент, когда его пальцы коснулись корпуса, выражение его лица мгновенно застыло. Цзин Хао медленно повернул ручку: в том месте, куда падали его пальцы, проступали очертания вырезанного ножом иероглифа Цзин. Линия была чистой, без единого лишнего штриха — сразу чувствовалось, с каким трепетом и вниманием человек выводил каждую черту. словно сквозь пелену воспоминаний до него вдруг донеслось смутное припоминание: кажется, он сам когда-то «подарил» Цзян Линю эту ручку. Впрочем, подарком это назвать было трудно — так, швырнул старую вещь, которая разонравилась. Ему тогда показалось забавным смотреть на то, как тот принимает подачку с глазами, полными благоговейной благодарности. Только вот он никак не ожидал, что Цзян Линь бережно хранил ее столько времени.

С чего вдруг тот вообще его полюбил?

Цзин Хао впервые всерьез задался этим вопросом. Из-за лица? Но это было бы слишком мелко, да и не могло чувство продержаться так долго. Из-за денег? Нет, исключено, Цзян Линь вовсе не такой человек.

Он всегда считал Цзян Линя дешевым прилипалой, который только и делает, что навязывается. Но чем дольше они общались, тем сильнее он понимал, как мало на самом деле знает об этом человеке. И каждая новая открытая им черта характера словно магнит притягивала к себе, заставляя копать все глубже. Цзян Линь неизменно умел удивить его, открываясь с совершенно новой стороны.

Вернувшись с пробежки, Цзян Линь застал Цзин Хао сидящим за партой Ван Цзытин с собственной ручкой в руке.

— Ты...

— Учитель Гуан сказал мне поменяться местами с Ван Цзытин, — быстро выпалил Цзин Хао, исподтишка заноса руку назад, чтобы вернуть ручку на парту и хоть как-то замести следы.

Цзян Линь подозрительно покосился на него, явно не веря ни единому слову.

Как раз в этот момент Ван Цзытин вернулась из учительской и подошла попрощаться с Цзян Линем:

— Учитель только что сказал мне взять шефство над Ли Юэ. Эх, больше мы с тобой не за одной партой.

Она, судя по всему, даже не подозревала о закулисных махинациях кое-кого из присутствующих и простодушно поблагодарила инициатора:

— Цзин Хао, спасибо тебе, что помог мне перетащить парту.

Цзин Хао слегка кашлянул:

— Не за что.

При этом он бросил быстрый взгляд на Цзян Линя, словно говоря: «Видишь, я же тебе правду сказал!»

Цзян Линь: «...»

Цзин Хао вдруг занервничал и смущенно протянул:

— Ну... это... будем соседями, рассчитываю на тебя.

Цзян Линь: «...»

Весь урок Цзян Линь чувствовал себя не в своей тарелке, потому что взгляд Цзин Хао практически не отрывался от его лица. Пожалуй, любой бы почувствовал себя неловко под таким пристальным вниманием, а уж тем более — когда на тебя так смотрит человек, в которого ты когда-то был влюблен. У Ян Сюя чуть челюсть на пол не упала, прямо на уроке он заболтал в чате с Чэн Бовэнем:

□Сюй□: Старый Чэн, старый Чэн, ты видел? Как это он туда уселся? Я всего на секунду отлучился, с каких пор этот мир перевернулся?

□Сюй□: О чём только думал учитель, разлучив их и усадив так близко к доске? Как нам теперь, трём братьям, поддерживать тесную связь?

□Сюй□: Твою мать, неужели он и правда запал на брата Цзяна!

□Чэн□: Думаю, к гадалке не ходи.

□Сюй□: ??? С каких пор ты это заметил?

□Чэн□: Хе-хе.

□Сюй□: Вот уж не пойму, раньше-то он его на дух не выносил, с чего вдруг такие перемены?

□Чэн□: Хе-хе, ну ты и болван.

Ты всё ещё любишь меня?

Цзин Хао считал, что Цзян Линь и впрямь мастерски умеет держать себя в руках.

До конца вечерней самоподготовки оставалось ещё десять минут. С самого момента пересадки Цзян Линь не произнёс с ним ни единого слова, и Цзин Хао, не вытерпев, написал записку и передал её ему.

— Цзян Линь, не забывай, что срок ещё не истёк.

В глазах Цзян Линя на мгновение мелькнула тень тоски, а затем там появился аккуратный почерк:

— Я не забыл, осталась одна неделя.

Цзин Хао скрипнул зубами и принял судьбоносное решение:

— Хорошо, сегодня после уроков пойдёшь со мной, а с завтрашнего дня договорённость аннулируется.

Цзян Линь озадаченно взглянул на него, отвечать не стал, опустил голову и продолжил решать задачи.

Он всё меньше понимал Цзин Хао.

— Цзяцзя, да, это я, сегодня вечером у меня дела, так что вместе мы не пойдём. Хорошо, ты тоже береги себя. — Цзян Линь повесил трубку, на его лице ещё теплилась слабая улыбка, но стоило ему повернуться к Цзин Хао, как она тут же исчезла.

В глазах Цзян Линя он больше не видел и следа того чувства, что звалось радостью.

— Цзин Хао, я уже отпросился, тебе сейчас... нужно что-то от меня?

— Прогуляйся со мной. — Цзин Хао подавил внутренний дискомфорт.

— Угу.

Людей по вечерам и так было немного, и Цзин Хао не стал вести его за пределы школы, они просто кружили по школьному стадиону. Хотя проверки были строгими, здесь всё равно находились парочки, которые тайком держались за руки и делились радостями прошедшего дня. Цзян Линь по-прежнему молчал, послушно, словно кролик, плетясь позади него, и они наворачивали по стадиону круг за кругом.

— Цзян Линь, — внезапно окликнул его Цзин Хао. — Ты сейчас... всё ещё любишь меня? Сердце у него колотилось, как барабан, мысли металась из стороны в сторону. Он уже давно всё обдумал: если Цзян Линь ответит, что любит, он готов попробовать с ним сойтись, отбросить прошлые воспоминания и начать всё сначала.

Цзян Линь остановился и взглядом обвёл контуры его лица, словно стремясь навсегда запечатлеть их в памяти. От такого взгляда Цзин Хао почувствовал себя еще более неуверенно и слегка сжал кулаки за спиной.

Любит ли? Конечно любит. Цзин Хао был его первой любовью и единственным человеком, с кем он за всю свою жизнь состоял в романтических отношениях. И пусть срок годности этой любви оказался до обидного коротким, по крайней мере, в те несколько дней он испытал ни с чем несравнимую радость.

Но на этом их отношения и заканчивались.

Отпустить прошлое непросто, но еще более жалко — цепляться за него вечно.

Для Цзин Хао он, возможно, был всего лишь новой игрушкой: пока есть любопытство, с ним интересно, а через пару дней наскучит — и можно выбросить за ненадобность. Вокруг него никогда не было недостатка в людях, и он наверняка презирал эти дешевые, легко доставшиеся ему чувства. Но у самого Цзян Линя всё было иначе. С того самого дня в восьмом классе, когда шедший навстречу солнцу парень разогнал тех, кто над ним издевался, он всем сердцем полюбил его, и это чувство не менялось долгие годы. Только вот у него не было столько времени, чтобы тратить его впустую.

Вместо того чтобы в конце концов расстаться со скандалом, лучше проявить твердость и сохранить образ лучшего из юношей в своей памяти.

Цзян Линь изо всех сил старался сдержаться, чтобы на его лице не промелькнуло ни тени фальши. Собравшись с духом, он выдавил из себя улыбку и ровным голосом произнес:

— Я отпустил это.

Бум!

В тот же миг глаза Цзин Хао налились кровью. Он схватил Цзян Линя за плечи и, возвышаясь над ним, заставил посмотреть себе в глаза:

— Не верю.

Цзян Линь ведь так сильно любил его! Он до сих пор пользовался ручкой, которую Цзин Хао когда-то небрежно сунул ему, и даже вырезал на ней слова. Как он мог так легко всё забыть?!

— Если ты действительно всё отпустил, почему избегал меня? — в голосе Цзин Хао заклокотала страшная, сдерживаемая злость. — Всего несколько дней назад ты сам просил меня не заигрывать с тобой, ты же говорил, что любишь меня!

— Я соврал, — Цзян Линь отвернулся, не желая на него смотреть. — Ты что, веришь всему, что я говорю?

— Тогда...

— Из-за Цзяцзя, — перебил его Цзян Линь. — Ему не нравится, когда я провожу с тобой много времени.

— Ты что, переключился на Гу Цзяцзя? — сквозь зубы процедил Цзин Хао, невольно сжав плечи Цзян Линя с такой силой, что тот тихонько шикнул от боли и оттолкнул его руки.

— Тебя это не касается. — Как это меня не касается? — Цзин Хао и сам не понимал, почему ведет себя так неразумно, но слова просто срывались с языка, неподвластные контролю: — Разве ты не любил меня? Как ты мог так быстро переключиться на другого?

Цзян Линь тихо вздохнул. Цзин Хао вечно был таким властным: даже если кто-то не нравился ему самому, этот человек все равно должен был принадлежать ему, и любые попытки предательства исключались.

— А ты любил меня?

Цзян Линь неожиданно спросил:

— Цзин Хао, ты хоть раз любил меня, хотя бы на мгновение?

— Я... — Цзин Хао на секунду потерял дар речи, не зная, что ответить.

Может, любил?

Он никогда никого не любил, он не знал.

Встретившись с ним взглядом на три долгих секунды, Цзян Линь горько-горько усмехнулся:

— Так я и знал.

— Когда ты тогда сказал, что любишь меня, это была лишь ложь, просто потому что ты проиграл в игру.

Цзин Хао внутри тревожно ёкнуло: откуда он узнал? Он ведь никому и никогда об этом не рассказывал!

Неужели...

В его голове всплыл Ян Суй, который в последнее время беспрекословно следовал за Цзян Линем во всем. Точно, это он проболтался, этот бестолковый свиноподобный сокомандник, от которого одни неприятности!

— Но Цзин Хао, знаешь ли ты, сколько дней я радовался из-за той твоей шутки? Я был так счастлив, что почти падал в обморок, и каждый день думал о том, как бы стать к тебе еще лучше. — Цзян Линь никогда не привык жаловаться на судьбу или выплескивать обиды, многое он обычно лишь слегка обозначал намеком. Но на этот раз сдержаться уже не получалось, и лишь перед Цзин Хао он чувствовал себя таким беспомощным.

— Цзян Линь, я...

— Поэтому теперь я устал и больше не хочу любить тебя.

Цзян Линь произнес это так легко и непринужденно, словно говорил о самых обыденных вещах, вынеся этому чувству смертный приговор. В его взгляде не осталось ни малейшего следа привязанности.

Цзин Хао пришел в ярость и не удержался, ответив Цзян Линю жестким тоном:

— Ну и отлично, надеюсь, ты ответишь за свои слова!

— В конце концов, таких навязывающихся дешевок, как ты, полно на каждом шагу, а я, должно быть, просто сошел с ума, раз решил сделать тебе одолжение.

Цзин Хао бросал самые ядовитые слова, отчаянно пытаясь разглядеть в глазах Цзян Линя хотя бы капельку грусти или каких-нибудь других эмоций, но Цзян Линь был поразительно спокоен и даже не моргнул.

Нет большего горя, чем смерть сердца.

В голове Цзин Хао вдруг всплыло это выражение. Насколько же сильно Цзян Линь теперь разочаровался в нем?

— Мм, — сказал Цзян Линь. — Если больше ничего нет, я пойду.

— Катись отсюда! — Цзин Хао стиснул зубы и демонстративно отвернулся, отказываясь на него смотреть.

Он не заметил, что в тот самый миг, когда Цзян Линь повернулся, его лицо было залито слезами.

Этот стремительный и безрассудный роман, не приведший ни к чему, наконец-то подходил к концу.

Цзян Линь не пошел сразу домой, а отправил дедушке сообщение, что сегодня переночует у одноклассника. Он купил целую гору алкоголя: говорят же, что вином можно заглушить тоску. Если напиться, неужели всё забудется и больше не будет больно?

На его плечах лежало слишком тяжелое бремя, обрекавшее его всего лишь на эту единственную ночь слабости.

Цзян Линь совсем не умел пить. Он сделал дикий, неуклюжий глоток горлом, после чего зашелся в жутком кашле, а в горле запылал огонь. Он сидел на скамейке в небольшом парке, окруженный густыми тенями деревьев. В такое время здесь редко кто появлялся, вокруг стояла тишина. Цзян Линь с горьким осознанием понял, что ему даже не с кем поговорить.

Преодолевая тошноту, он пил бутылку за бутылкой. В голове постепенно мутнело, пустые бутылки валялись на земле в беспорядке. В полумраке ему вдруг показалось, что к нему идет Цзин Хао.

Наверное, галлюцинация. Цзин Хао так сильно его ненавидел, с чего бы ему приходить?

Неужели он так сильно любит его?

Что даже во сне он ему мерещится?

Или и впрямь начались галлюцинации?

Но этот призрачный Цзин Хао молча, с мрачным лицом, подошел прямо к нему и ухватил за руку.

Почему от него исходило тепло?

Цзян Линь почувствовал, как кожа в месте его прикосновения невыносимо зажглась, и инстинктивно попытался вырваться. Он неуклюже отмахнулся:

— Цзин... ик! Цзин Хао, ты чего опять приперся? Я... ик! Я не хочу тебя видеть!

Однако Цзин Хао решительно выхватил у него из рук бутылку, швырнул ее в сторону и потащил парня за собой.

— Не надо... не трогай меня! — Цзян Линь отчаянно замахал руками, покрасневшись от макушки до пят. Было очевидно, что он напился вдрызг. — Ты... ик! Разве ты меня не ненавидишь? За... за... ик! Зачем ты тогда снова лезешь ко мне?

Цзин Хао раздраженно цыкнул. Зря он вообще пошел возиться с этим дураком.

Напившись, Цзян Линь стал куда тяжелее обычного. Даже для такого крепкого парня ростом 183 сантиметра, как Цзин Хао, тащить его оказалось делом непростым, к тому же пьяный ужасно буянил — мычал, скулил и вцепился в скамейку мертвой хваткой, наотрез отказываясь сдвинуться с места.

— Не пойду, не трогай меня! — Цзян Линь непрерывно мотал головой, то и дело пытаясь отпихнуть Цзин Хао руками. — Где моя выпивка?.. Ик! Я хочу пить!

<http://bllate.org/book/20916/2115504>